

Материалы к биографиям ученых и инженеров

Materials for the Biographies of Scientists and Engineers

О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ ИСТОРИКА НАУКИ С. Р. МИКУЛИНСКОГО

СИМОН СЕМЕНОВИЧ ИЛИЗАРОВ

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14

E-mail: sinsja@mail.ru

Выдающийся ученый и организатор научной деятельности, член-корреспондент АН СССР С. Р. Микулинский (1919–1991), который в 60–80-е гг. XX столетия определял генеральные линии развития истории науки и закладывал основы науковедения, прошел жизненный путь, полный трагических изломов. В его биографии были годы учения; добровольное участие в Великой Отечественной войне; годы плена в немецко-фашистских, а затем советских концлагерях; стремительная научная карьера, неожиданно прерванная изгнанием из выпестованного им Института истории естествознания и техники АН СССР. Под его руководством в ИИЕТ были собраны выдающиеся ученые самых разных специальностей, а институт достиг наивысшего уровня развития, став признанным в мире центром развития историко-научной мысли. В основе статьи лежат архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: С. Р. Микулинский, история науки, науковедение, историография, ИФЛИ, ИИЕТ РАН.

THE LIFE AND FATE OF THE HISTORIAN OF SCIENCE S. R. MIKULINSKII

SIMON SEMYONOVICH ILIZAROV

S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

Ul. Baltiyskaya, 14, Moscow, 125315, Russia

E-mail: sinsja@mail.ru

The life of a prominent scholar and organizer of science, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S. R. Mikulinskii (1919–1991) who had been determining strategic directions for the development of the history of science and laying foundations for science of science in the 1960s–1980s was full of tragic turns. In his biography, the years of schooling were followed by volunteering in the army during the Great Patriotic War, the years of being a prisoner in the

Nazi – and then Soviet – camps, followed by the years of studies and a meteoric scientific career which had abruptly ended with his eviction from the USSR Academy of Sciences' Institute for the History of Science and Technology that he himself had nurtured. Under his guidance, the prominent scientists in a wide range of disciplines had been brought together at the Institute that reached the peak of its development, having become a globally recognized center for the development of thought in the history of science. The paper is based on the archive materials introduced for scientific use for the first time.

Keywords: S. R. Mikulinskii, history of science, science of science, historiography, Institute of Philosophy, Literature, and History, Institute for the History of Science and Technology.

Нас не нужно жалеть, ведь и мы...

Сарио Гудзенко (1945)

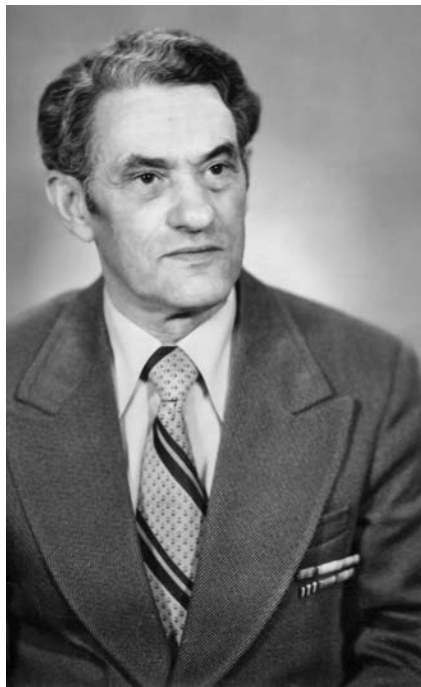
В отечественной историографии, наверное, не найти более драматической судьбы, чем жизнь историка науки и науковеда, комсомольского вожака тридцатых годов XX в., ветерана Великой Отечественной войны, узника германо-фашистских и советских лагерей, директора Института истории естествознания и техники АН СССР (1972–1986, с 1963 г. – заместитель директора), члена-корреспондента АН СССР Семена Романовича Микулинского (2.X.1919 – 3.VII.1991).

Прошло тридцать лет с того трагического для Микулинского события, когда оболганный и преданный, он вынужден был покинуть пост директора ИИЕТ АН СССР, которому в точном и полном смысле отдал без остатка всю свою жизнь.

Тридцать лет – срок достаточный, чтобы осмыслить масштаб личности и соизмерить место Микулинского в истории ИИЕТ, в истории отечественной науки и снять с его имени печать забвения. Еще в 1993 г., когда не остыли «перестроечные страсти», в одном из изданий, посвященных 40-летию ИИЕТ РАН, отмечалось, что со временем вклад Микулинского в изучение истории и философии науки, в становление науковедения, в организацию научных исследований получит всестороннюю достойную оценку¹, но время уходит, с ним исчезают участники событий той поры, остается все меньше тех, кто мог бы свидетельствовать...

Недавно, 20 октября 2016 г., в рамках научной конференции «История науки: источники, памятники, наследие», организованной отделом историографии и источниковедения истории науки и техники ИИЕТ РАН, проводились историографические чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. Р. Микулинского (модераторы Н. И. Кузнецова и С. С. Илизаров). На заседании были представлены доклады и сообщения мемуарного и исследовательского характера коллег, хорошо знавших Микулинского: доктора биологических наук К. В. Манойленко, работающей в ИИЕТ

¹ Илизаров С. С. ИИЕТ в 1953 году // ВИЕТ. 1993. № 4. С. 109; Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М.: Наука, 1993. С. 45.

С. Р. Микулинский

с середины 1950-х г.; доктора философских наук И. И. Мочалова — одного из первых исследователей жизни и творческого наследия В. И. Вернадского; доктора философских наук Б. И. Иванова, с 1969 г. работающего в Ленинградском отделении ИИЕТ (на протяжении ряда лет был ученым секретарем ЛО); кандидата технических наук Ю. С. Воронкова, в 1965 г. ставшего аспирантом ИИЕТ и в период 1979—1988 гг. работавшего заместителем директора; кандидата технических наук Э. П. Карпеева, с 1977 по 1986 г. руководившего Ленинградским отделением и по 2002 г. заведовавшего музеем М. В. Ломоносова ИИЕТ; доктора философских наук Э. И. Колчинского, который пришел в ЛО ИИЕТ в конце 1960-х г. и с 1995 г. был директором СПбФ ИИЕТ РАН. Аналитический доклад, посвященный анализу научных трудов Микулинского, сделал кандидат психологических наук А. Г. Аллаhverдян. Руководитель центра

комплектования Архива РАН кандидат исторических наук Е. В. Косарева выступила с докладом-обзором содержания личного фонда Микулинского, который в скором времени станет доступным для исследователей ².

Доклады и сообщения, прозвучавшие на историографических чтениях, посвященных Микулинскому, впервые в литературе выявили многие стороны его деятельности на посту руководителя ИИЕТ. Заседание собрало довольно значительную аудиторию, и все участники встречи были едины во мнении, что к приближающемуся 100-летию со дня рождения выдающегося историка науки XX в. как минимум должен быть подготовлен содержательный и значимый коллективный труд.

Для большинства нынешнего состава ИИЕТ РАН, да и большинства читателей нашего журнала, не обремененных специальным историографическим интересом, имя Микулинского мало что говорит, и его образ не наполнен какими-либо реалиями, смысловыми и визуальными ассоциациями. Фигура Микулинского яркая, сложная, противоречивая. Отношение к нему и при жизни, и после смерти остается неоднозначным, что нашло отражение, в частности, при организации вышеупомянутых чтений, посвященных ему, когда ряд людей, которым предлагалось принять участие в заседании, принципиально отказывались от этого. Задачей настоящей статьи не ставится ни

² История науки: источники, памятники, наследие: вторые чтения по историографии и источниковедению истории науки и техники: материалы научной конференции, Москва, 19—20 октября 2016 г. / Сост. Е. В. Минина. М.: Янус-К, 2016.

осуждение, ни оправдание Микулинского, в которых он, впрочем, не нуждается, поскольку, в конечном счете, о человеке судят по его делам, по тому, что он оставил людям. Человек одаренный и активный, с ярко выраженными задатками лидера, чья жизнь разворачивалась в условиях советских реалий (из них половина пришлось на годы свинцового сталинского диктата), человек, который занимал руководящие общественные и административные посты, не мог пройти по жизни без неприятелей и даже врагов. Но принципиально важно, что среди известных негативных высказываний в его адрес нет ни одного, в котором звучали бы обвинения в проступках, несовместимых с высшими нравственными нормами.

*В. С. Кухарчук, А. Попов (работник ЦК ВЛКСМ?),
С. Р. Микулинский. Москва, школа № 146,
март 1936 г.*

Семен Романович Микулинский родился 2 апреля 1919 г. на Полтавщине, в городе Кременчуге в семье служащего; отец (до революции — счетовод, затем помощник бухгалтера) умер в 1936 г. Когда и при каких обстоятельствах Микулинские оказались в Москве — неизвестно. В 1933 г. Микулинский вступил в комсомольскую организацию. Еще в годы учебы в московской средней школе № 146 он, по свидетельству В. С. Кухарчука, который учился в той же школе, был принят кандидатом в члены партии.

В 1938 г. Микулинский поступил на философское отделение знаменитого Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (ИФЛИ). Феномен ИФЛИ, который называли «Лицеем в Сокольниках» (он располагался на краю Сокольнического лесопарка, ул. Ростокинский проезд, д. 13а), «островком свободомыслия среди моря догматизма», «бастионом советского Возрождения», «символом высокого уровня духовности, культуры, истинной интеллигентности», «Сталинским лицеем», «Красным лицеем», «Сорбонной Московской» и т. п. — до сих пор неразгаданный код: «ИФЛИ был новым, чьим-то неразгаданным замыслом, *намерением*, на краткий миг завершившийся *возможностью*, коротким просветом в чреде тех жестоких лет»³. В ИФЛИ оказалась собрана «духовная элита и преподавателей

³ Ржевская Е. Старинная удача // Новый мир. 1988. № 11. С. 215–228. Цит. по: Шарпов Ю. П. Лицей в Сокольниках: очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского. М.: АИРО-XX, 1995. С. 5. Впрочем, к ИФЛИ существует и иное отношение. Так, филолог и философ Г. С. Померанц, учившийся на философском факультете, писал о своем факультете как о кузнице партийных кадров, где «наколачивали подковы на свои копыта». И далее: «Кадры

ИФЛИ в Сокольниках, 1941 г.

и студентов»⁴. Среди преподавателей действительно были лучшие того времени ученые — учителя — гуманитарии: М. В. Алпатов, А. В. Арциховский, В. Ф. Асмус, С. В. Бахрушин, Б. Э. Быховский, Н. Н. Ванаг, Р. Ю. Виппер, В. П. Волгин, Б. Д. Греков, Ю. В. Готье, Н. К. Гудзий, Н. М. Дружинин, Э. Я. Кольман, Л. З. Копелев, Е. А. Косминский, Н. А. Кун, Н. М. Лукин, А. И. Неусыхин, В. Ф. Переверзев, М. М. Покровский, С. И. Радциг, С. Д. Сказкин, С. И. Соболевский, Я. Э. Стэн, А. Д. Удальцов и другие выдающиеся историки, филологи, искусствоведы, философы.

За недолгое время существования ИФЛИ (1931–1941) фундаментальное образование там получили сотни замечательных ученых, писателей, поэтов, философов, дипломатов, общественных и государственных деятелей, которые

в значительной мере определяли в 1950-е и последующие годы общественную и интеллектуальную жизнь страны. Среди них И. А. Антонова, Н. И. Балашов, Д. П. Горский, С. П. Гудзенко, А. В. Гулыга, Л. М. Зак, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, З. А. Каменский, А. В. Караганов, В. Ж. Келле, Г. С. Кнабе, М. Я. Ковальзон, П. Д. Коган, П. В. Копнин, Н. П. Красавченко, И. А. Кривелев, Ю. Д. Левитанский, Е. М. Мелетинский, С. С. Наровчатов, И. С. Нарский, Л. А. Озеров, Т. И. Ойзерман, З. С. Паперный, Ю. А. Поляков, Г. С. Померанц, Б. Ф. Поршнев, Д. С. Самойлов, К. М. Симонов, А. И. Солженицын, А. Т. Твардовский, О. Г. Чайковская и многие, многие другие.

Одним из самых известных и одиозных выпускников ИФЛИ был, конечно, А. Н. Шелепин (1918–1994), сумевший достигнуть партийно-государственных вершин: первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1952–1958), член ЦК КПСС (1952–1976), член Президиума ЦК КПСС (1964–1975), председатель КГБ СССР (1958–1961) и т. д. Железного Шурика, как прозвали Шелепина ифлийцы, на посту секретаря комсомольской организации сменил Микулинский. «У него, — полвека спустя вспоминал Г. С. Померанц, — был образцовый аппаратный ум»⁵. Микулинскому уделил немалое внимание

могли уцелеть, только уничтожая друг друга, и они это поняли. Каждая ошибка на семинаре разоблачалась как троцкистская вылазка. В каждом номере стенгазеты кого-то съедали живьем [...] Настоящий кадр должен был сожрать по меньшей мере двух-трех товарищей» (Померанц Г. С. Записки гадкого утенка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 28).

⁴ Зоркая Н. Солнце светит всем! // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 121.

⁵ Померанц. Записки гадкого утенка... С. 46.

Ю. П. Шарапов — выпускник исторического факультета и автор известной книги об ИФЛИ. По его словам, Микулинский, выступая на партийных собраниях, «занимал верную позицию в то суровое время, хотя, конечно, и ему приходилось к нему приспосабливаться»⁶.

Невозможно представить, насколько сложной была участь Микулинского как члена бюро Сокольнического РК ВЛКСМ, члена партийного бюро и освобожденного секретаря комитета комсомольской организации ИФЛИ, в котором продолжали учиться и поступали на учебу дети известных государственных, партийных и военных деятелей, уничтоженных в годы большого террора. Историки отмечали, что А. С. Карпова (1883—1968) — директор ИФЛИ в 1935—1940 гг. — не давала исключать из института ни одного сына, ни одну дочь репрессированных родителей, ссылаясь на конституционное право на образование⁷.

Микулинский пришел в ИФЛИ, когда завершался относительно благополучный период истории института. Начиная с 5 ноября 1939 г. почти два месяца в ИФЛИ работала комиссия ЦК ВКП(б) по проверке постановки партийно-массовой работы в институте. Она обнаружила крупные недостатки в работе партбюро и администрации. Выводы комиссии рассматривались 19 января 1940 г. на закрытом партийном собрании, на котором представитель райкома партии сообщил, что результаты работы комиссии обсуждались на совещании в ЦК ВКП(б) с участием начальника управления кадров ЦК и секретаря ЦК Г. М. Маленкова, народного комиссара просвещения РСФСР П. А. Тюркина и председателя Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанова. В итоге 22 февраля 1940 г. ректором ИФЛИ был назначен А. И. Асеев, бывший до августа 1938 г. оперативным работником НКВД в Москве.

22 октября 1940 г. на заседании партбюро института, на котором обсуждался вопрос о политико-воспитательной работе на факультетах, секретарь вузкома комсомола Микулинский заявил:

Нужно вести решительную борьбу с нездоровыми настроениями, но нужно уметь вести эту борьбу так, чтобы не запугивать, так как иначе студенты будут бояться говорить вслух свои мысли, нужно не раздувать пустяковые факты⁸.

Но общая ситуация в институте быстрыми темпами ухудшалась. К примеру, заведующий кафедрой истории партии требовал от преподавателей доносить о морально-политическом состоянии студенчества. О студентах

⁶ Шарапов. Лицей в Сокольниках... С. 149. Будучи целиком и полностью погружен в общественную работу, Микулинский, тем не менее, успевал успешно учиться, о чем скупое свидетельство сохранившиеся экзаменационные ведомости. (Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 2378. Оп. 2. Д. 17. Л. 4; Д. 18. Л. 35, 51, 55, 56, 63, 64, 72, 81, 90; Д. 19. Л. 50, 75, 95, 114; Д. 20, Л. 39—39 об.; Д. 21. Л. 68, 95).

⁷ Шарапов. Лицей в Сокольниках... С. 175. Характерно, что в годы директорства Микулинского ИИЕТ АН СССР был местом, где находили пристанище многие опальные ученые — П. В. Волобуев, В. Ж. Келле, М. К. Мамардашвили, А. П. Огурцов, Э. Г. Юдин и др.

⁸ Там же. С. 144.

в пятидневный срок, т. е. к 5 мая 1941 г., требовалось дать информацию по пяти пунктам, включая «легкомысленное отношение к изучению “Краткого курса”», а сообщенные «вами факты должны быть конкретны, назовите конкретных людей, укажите группу, курс, факультет и является ли данный студент комсомольцем»⁹.

В самый разгар проверки комсомольской организации ИФЛИ Центральным комитетом ВЛКСМ по собственной ли инициативе, действуя на опережение, или же по подсказке старших товарищей из Сокольнического районного / Московского городского комитета комсомола (?) Микулинский в мае 1941 г. направил секретарю ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову докладную записку. В этом документе, озаглавленном «О недостатках в преподавании по курсам основ марксизма-ленинизма и философии в Московском институте истории, философии и литературы», автор, среди прочего, писал о своем однокурснике студенте В. А. Карпушине, что тот

на семинаре по диалектике, целый час говоря о законе отрицания отрицания, излагал точку зрения буржуазных ученых-эпигонов, вычитанную им из немецких брошюр, не выражал своего отношения к их антинаучной идеалистической мешанине¹⁰.

Историк Шарапов, который первым ввел цитированные выше архивные документы, размышляя о судьбах Шелепина и Микулинского, писал:

Они были детьми своего времени. И попав на такой пост, как секретарь комсомольской организации столь непростого института как ИФЛИ, все должны были придерживаться правил политической игры. В том-то и парадокс той эпохи, что оба они делали немало хороших, добрых дел, но в то же время произносили с трибун слова, которые сегодня вызывают содрогание¹¹.

4 июня 1941 г. был подготовлен проект постановления ЦК ВЛКСМ «О политико-воспитательной работе в комсомольской организации Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского», и можно только гадать, как бы складывалась дальнейшая жизнь и карьера Микулинского, если бы не начавшаяся через 18 дней война.

В июне 1941 г. Микулинский был назначен Сокольническим РК ВКП(б) начальником группы на строительстве укрепрайона по линии Днепра между Смоленском и Вязьмой¹². После выполнения задания с «согласия секретарей МК ВЛКСМ» (Н. П. Красавченко?) добровольно вступил в районе Вязьмы в действующую армию непосредственно в районе боев. С июля по ноябрь 1941 г. рядовой Микулинский — разведчик артиллерийского полка 8-й стрелковой дивизии Московского ополчения — принимал

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 150.

¹¹ Там же. По свидетельству Шарапова, когда Микулинский с опозданием пришел на первую встречу ифлийцев, которая состоялась в 1981 г., собравшиеся приветствовали своего бывшего комсомольского вожака аплодисментами.

¹² Архив РАН (АРАН). Ф. 7. Оп. 4. Д. 103. Л. 11.

Советские солдаты, плененные в районе Вязьмы, 1941 г.

участие в боевых действиях в районе Вязьмы и Ельни¹³. Таким образом, он был участником Вяземской катастрофы 1941 г. — одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной войны. В октябре 1941 г. в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК (Резерва главного командования). Потери убитыми и ранеными Красной Армии превысили 380 тыс. чел.; в плен попали свыше 600 тыс. чел. Всего безвозвратные потери составили более 1 млн чел. В числе пленных оказались командующие трех армий, в том числе генерал-майор С. В. Вишневский (1893—1967) — командарм 32-й армии, в состав которой входила 8-я стрелковая дивизия¹⁴.

По официальным данным, полевое управление 32-й армии было упразднено 12 октября 1941 г. 8-я стрелковая дивизия как регулярное воинское формирование фактически была уничтожена 6—7 октября и 30 ноября 1941 г. расформирована. Зачистка Вяземского котла немецкими войсками завершилась в течение октября. В самом конце октября или в начале ноября Микулинский с другими бойцами, пробиваясь с боями из окружения, двигаясь от Вязьмы

¹³ АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 558. Л. 5. Приказом ректора ИФЛИ от 3 октября 1941 г. студент четвертого курса философского факультета Микулинский был отчислен из института как не приступивший к занятиям, но с правом восстановления (ЦГА Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 35. Л. 25).

¹⁴ Подробнее см.: Лопуховский Л. Н. 1941. Вяземская катастрофа. М.: Яуза; Эксмо, 2008. Согласно выводам автора этой книги, непосредственную ответственность за катастрофу под Вязьмой несут верховный главнокомандующий, Генеральный штаб и командующие Западным, Резервным и Брянским фронтами.

на юг, попал в плен в районе г. Юхнова¹⁵. В автобиографии, составленной в 1955 г., Микулинский сообщил, что с ноября 1941 г. содержался в лагерях для военнопленных в Смоленской области. В каком именно лагере он находился, неизвестно, но во всех условиях, в которых содержались советские военнопленные, были невыносимые: их зачастую не кормили, не давали воды, свирепствовали инфекционные заболевания. Микулинский, насколько известно, не распространялся об этих страшных годах, и, пока не станут доступны (если сохранились) дознавательные документы 1945–1946 гг., этот период его жизни останется наименее освещенным. Невозможно представить и вообразить ужас трех с половиной лет, проведенных Микулинским в фашистских концлагерях, когда каждый день мог стать последним в жизни. В предельно лапидарных автобиографиях он писал лишь о том, что после неоднократных попыток побега из лагеря в числе других штрафников он был отправлен в 1943 г. на шахты в Судеты¹⁶, где пробыл до освобождения советскими войсками 8 мая 1945 г. После этого он продолжил службу в Советской армии: в мае – июне 1945 г. в Праге; в июне – августе того же года – в Будапеште. Но с сентября 1945 г. вновь наступили сумерки: до января 1947 г. он проходил специальную проверку в проверочно-фильтрационной комиссии МВД. В свое время в ИИЕТ шли разговоры о помощи, оказанной Микулинскому его комсомольскими товарищами – Шелепиным, Красавченко и др.

Как сказал И. И. Мочалов, выступая 20 октября 2016 г. на историографических чтениях:

Тяжелейшие испытания выпали на долю людей этого поколения, на долю Семена Романовича также. Не каждый смог бы выдержать эти испытания. Семен Романович выдержал¹⁷.

Одногодок Микулинского поэт Б. А. Слуцкий схожие мысли выразил в 1973 г. так:

История над нами пролилась.
Я под ее ревушим ливнем вымок.
Я перенес размах ее и вымах.
Я ощутил торжественную власть.
Эпоха раздражалась надо мной,
как ливень над притихшею долиной,
то справедливой длительной войной,
а то несправедливостью недлинной...¹⁸

¹⁵ Кстати, тогдашний секретарь МГК ВЛКСМ по пропаганде Н. П. Красавченко (1916–1993), выпускник исторического факультета ИФЛИ, в июле 1941 г. был направлен уполномоченным Государственного Комитета Оборона по строительству оборонительных рубежей в Смоленскую область и был назначен комиссаром Вяземского укрепрайона. В результате стремительного наступления немцев, а затем прорыва ими фронта, Красавченко вместе с другими оказался во вражеском тылу. Попав в плен и понимая, что его ждет, он закопал партбилет в каком-то сарае. Однако ему удалось убежать, и по возвращении в Москву ему выдали новый партбилет.

¹⁶ АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 558. Л. 12–13.

¹⁷ История науки: источники, памятники, наследие... С. 326.

¹⁸ *Слуцкий Борис*. Собрание сочинений в трех томах. М.: Художественная литература, 1991. Т. 3. С. 156.

Пленение, лагеря и вследствие этого автоматическое выбытие из рядов членов партии навсегда закрывали для Микулинского комсомольско-партийную карьеру, столь успешно начатую в предвоенные годы. Кстати, в КПСС его восстановят только в 1957 г. Но присущие ему невероятную жизненную стойкость, темперамент, энергию он сконцентрировал, наверное, в единственно правильном направлении — образовании и научной карьере, и новый взлет оказался стремительным.

По возвращении в Москву Микулинский был восстановлен на философском факультете МГУ (в 1941 г. МИФЛИ влился в МГУ), который в 1949 г. закончил с отличием, одновременно пройдя экстерном три курса на биолого-почвенном факультете университета. Будучи студентом, выполнил (под руководством академика АН ГрузССР Л. Ш. Давиташвили) серьезное исследование о К. Ф. Рулье, которое приказом министра высшего образования СССР было отмечено первой премией на конкурсе научных работ студентов МГУ. С сентября 1949 г. до 7 января 1952 г. Микулинский работал старшим лаборантом кафедры дарвинизма биолого-почвенного факультета МГУ.

Микулинский сам или по чьему-либо совету выбрал в качестве исследовательской области историю отечественной биологии XIX в., что позволяло, насколько это было возможно, дистанцироваться от господствовавшего тогда повсюду лысенкоизма; уместно напомнить, что кафедру дарвинизма в эти годы возглавлял И. И. Презент. Но все равно избежать «ошибок» было невозможно. Тогда, как известно, одна кампания, не успев завершиться, сменялась другой, опасность творческого человека поджидала повсюду.

17 марта 1949 г. заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) А. Дедов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову записку о сборнике «Научные работы студентов Московского университета», посвященном XI съезду ВЛКСМ. В докладной записке отмечалось, что из 937 работ, представленных на научную студенческую конференцию, посвященную 30-летию ВЛКСМ, отобраны для публикации 11 статей, авторы которых «подобраны неудачно». Действительно, большинство приведенных там фамилий с выраженным еврейско-армянско-немецким (?) акцентом в разгар антикосмополитической кампании были слишком уж неблагозвучны. В качестве одного из примеров сомнительной научной ценности и неправильности статей молодежного сборника называлась также работа студента Микулинского, который

в статье «К. Ф. Рулье – выдающийся русский биолог-материалист» восторгается тем, что «четыре иностранных научных общества избрали его своим членом», и подчеркивает, что Карл Рулье, отец которого был француз, обучался у профессора Фишер фон Вальдгейма, и «он дал о нем весьма лестный отзыв».

В записке предлагалось запретить распространение указанного сборника, а поскольку к съезду комсомола выпускаются сборники научных работ студентов многими высшими учебными заведениями страны и возможен выпуск сборников низкого качества и с ошибками, то Дедов считал бы

целесообразным дать указания обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик о внимательной проверке всех выпускаемых сборников. Необходимо также обратить внимание ЦК ВЛКСМ на усиление контроля за выпуском книг, различных сборников и альманахов к XI съезду ВЛКСМ ¹⁹.

Ознакомившись с докладной запиской, Маленков дал указание заведующему отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Шепилову разобраться и доложить свои выводы через 5–7 дней. В результате проверки, проведенной в начале марта работниками отдела, Шепилов докладывал 11 апреля Маленкову, что были вскрыты серьезные недостатки в содержании статей, помещенных в сборнике «Научные работы студентов Московского университета». Об этом были поставлены в известность Министерство высшего образования СССР, ЦК ВЛКСМ, ректорат и партийный комитет Московского университета, и «в результате мер, принятых отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сборник не был выпущен в свет» ²⁰. Судя по всему, история с крамольным сборником не нанесла вреда дальнейшей карьере молодого ученого.

За время пребывания на кафедре дарвинизма биолого-почвенного факультета МГУ в 1949–1951 г. Микулинский подготовил 11 работ по истории биологии в России. При этом, как отмечалось в характеристике, подписанной 11 февраля 1952 г. проректором МГУ по научной работе К. А. Салищевым, Микулинский принимал самое активное участие в общественной работе: дежурил на агитпункте в период избирательной кампании по выборам в Верховный Совет РСФСР, будучи лектором райсовета, читал множество лекций по естественно-научной тематике, был старостой семинара сотрудников кафедры, изучавших философию марксизма-ленинизма и проч. ²¹

В 1951 г. Микулинский опубликовал монографию «И. Е. Дядьковский. Мировоззрение и общебиологические взгляды», которая 3 июля 1952 г. была защищена в МГУ в качестве диссертации на присвоение ученой степени кандидата биологических наук. Это была первая монография о забытом выдающемся русском естествоиспытателе начала XIX в., профессоре Московского университета И. Е. Дядьковском, написанная на основе самостоятельных изысканий большого числа архивных и рукописных материалов. Работа Микулинского обогатила существовавшие представления о развитии биологии в России в начале XIX в.

Начало 1950-х гг. — пик интереса к наследию Дядьковского. Этому способствовала как общая ситуация в истории науки, связанная с сужением тематического пространства, когда исследователи могли заниматься исключительно отечественной историей, так и то, что в Дядьковском истории медицины стали видеть первого русского сторонника «нервизма», т. е. учения о руководящей роли нервной системы при всех заболеваниях, и хотели поднять его на щит как предтечу И. П. Павлова. Появление на

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 221. Л. 7–8.

²⁰ Там же. Л. 30–31.

²¹ Научный архив ИИЕТ РАН. Личное дело С. Р. Микулинского.

историко-биологическом небосклоне нового энергичного и талантливого исследователя в лице Микулинского, который, по словам Б. Е. Райкова, был «мужчина ловкий и проворный»²², вызвало чувство ревности у старших коллег. Старейшие историки биологии – сотрудники открытого в 1945 г. Института истории естествознания АН СССР С. Л. Соболев и Б. Е. Райков – были весьма огорчены, когда лишь в самом конце 1950 г. узнали о существовании большого архивного фонда Дядьковского, который хранился в отделе рукописей ГБЛ. Надо отдать должное Соболеву, очень много сделавшему для актуализации наследия русских ученых-естествоиспытателей XVIII–XIX вв. и активно изучавшему Дядьковского, который сумел справедливо оценить работу Микулинского. 1 октября 1952 г. в письме к Райкову Соболев вспоминал о том, что Микулинский

С. Р. Микулинский, конец 1940-х гг.

в ноябре 1950 г. слушал мой доклад о Дядьковском (Вы были на том заседании и помните, верно, его выступление), опубликовал уже свою книжку и успел получить за нее кандидатскую степень, а мой доклад все еще [...] в печати (в 5-м томе Трудов) и увидит свет только в будущем году. Но меня это мало трогает. Я знаю, что он работал совершенно независимо от меня и для него скорейшее опубликование этой работы было вопросом научной карьеры, так что даже хорошо, что я не перебил ему дорогу. А для меня больше или меньше одной статьей и одним открытием – совершенно безразлично. И считаю, что и для Вас это не столь важно²³.

Райков, судя по сохранившейся переписке, в отличие от Соболева, не смог до конца смириться с появлением конкурента.

Книга и получение ученой степени открыли Микулинскому дорогу в академическую науку. 5 января 1952 г. он был зачислен младшим научным сотрудником Института истории естествознания АН СССР, в котором быстро и прочно заявил о себе как о профессионально подготовленном и перспективном историке науки. Вскоре произошли важные организационные изменения, определившие на все последующие десятилетия институционно-дисциплинарное развитие истории науки. В результате интриги В. А. Голубцовой (жены главы Правительства СССР Г. М. Маленкова), стремившейся к лидерству в истории техники, произошло насильственное присоединение Комиссии по истории техники ОТН АН СССР

²² АРАН. Ф. 670. Оп. 3. Д. 131. Л. 19 об.

²³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 333. Л. 42 об.—43.

Сотрудники ИИЕ АН СССР, 1953 г. (ул. Фрунзе, д. 11). Верхний ряд слева: Н. А. Фигуровский, Т. Ф. Бедретдинова, Т. В. Качаунова (?), И. В. Батюшкова (?), Ю. И. Соловьев, В. А. Есаков, О. В. Красноухова, О. А. Лежнева, Х. С. Коштотянц, О. А. Соколова, С. Л. Соболев, Ю. С. Мусабеков, В. И. Макарова, Л. В. Каминер, С. Р. Микулинский, О. А. Старосельская-Никитина, Б. Г. Кузнецов, В. П. Зубов

к Институту истории естествознания и учреждение Института истории естествознания и техники, утвержденное соответствующим постановлением Президиума АН СССР от 5 сентября 1953 г. Причем первым директором обновленного института стал специалист в области электрометаллургии и теории металлургических процессов, член-корреспондент АН СССР А. М. Самарин, ранее с 1950 г. возглавлявший Комиссию по истории техники. В ИИЕТ сразу же начали образовываться структурные подразделения, и Микулинский был включен в состав сектора биологических и сельскохозяйственных наук во главе с доктором биологических наук, лауреатом Сталинской премии, профессором Соболевым.

В условиях реформирования и метаморфоз 1953 г. историки естествознания ИИЕТ стали «продвигать» Микулинского. В то время вариантов карьерного роста было немного, и кроме административных путей и приобретения ученой степени кандидата и доктора наук научный сотрудник мог быть либо младшим, либо старшим. 28 декабря 1953 г. Соболев направил в дирекцию института представление на выдвижение младшего научного сотрудника, кандидата биологических наук Микулинского на звание и должность старшего научного сотрудника.

Имеет смысл привести несколько фрагментов из пространной записки Соболева, которые ценны тем, что принадлежат крупнейшему историку

биологии и одновременно человеку, который поначалу с определенным напряжением воспринимал появление в ИИЕ Микулинского:

Прекрасная работа Микулинского о Дядьковском была успешно защищена им в качестве кандидатской диссертации (1952). Можно сказать, что именно С. Р. Микулинскому принадлежит в основном честь привлечения внимания советской научной общественности к этому выдающемуся полузабытому врачу-материалисту пушкинского времени и доказательство того, что Дядьковский – учитель Глебова, который в свою очередь был учителем Сеченова, – является основоположником той отчетливо выраженной и поднятой на огромную научную высоту материалистической традиции в отечественной физиологии, которая обозначается как вехами именами Дядьковского, Глебова, Сеченова, Павлова. Большая научная ценность работы Микулинского о Дядьковском признана всеми советскими биологами [...]

Крупнейший русский эволюционист до-дарвиновского времени профессор Московского университета К. Ф. Рулье никогда не был забыт так основательно, как Дядьковский. Однако в старой литературе о Рулье он освещался главным образом как крупный зоолог и особенно как выдающийся педагог – создатель московской школы зоологов. Исключительное по своему значению творчество Рулье в области эволюционной теории оставалось в сущности забытым, а его литературное наследие, представленное в своей наиболее интересной части главным образом литографированными и рукописными лекциями, – недоступным и неизвестным. Осуществленный Микулинским ряд докладов, статей и публикаций о Рулье как эволюционисте, а также принятое им совместно с профессором Давиташвили издание главных работ Рулье раскрыли с исчерпывающей полнотой материалистический характер эволюционного учения Рулье и ту огромную историческую роль, которую это его учение сыграло в становлении и формировании материалистического направления эволюционного учения в России.

По той же линии раскрытия исторического процесса формирования материалистического направления русской биологической мысли лежат ценные работы С. Р. Микулинского о биологе и ботанике М. А. Максимовиче, о борьбе материализма против идеализма в русском естествознании начала XIX в.²⁴

Еще ранее записки Соболя, в ноябре 1953 г., аналогичное представление в дирекцию ИИЕТ направил другой лауреат Сталинской премии, академик АН ГрузССР Л. Ш. Давиташвили, который отмечал, что уже первая научная работа Микулинского,

доклад на объединенной дарвино-мичуринской научной студенческой конференции Московского и Ленинградского университетов, – опубликованная в 1949 г. привлекла внимание научной общественности.

Далее он ссылался на мнение доцента Ленинградского университета К. М. Завадского, писавшего в «Вестнике ЛГУ» (1949. № 3. С. 134) по этому поводу: «...не будет преувеличением сказать о необходимости, в связи с работой Микулинского изменить соответствующий раздел курса дарвинизма». Давиташвили также подчеркивал, что работы Микулинского о Рулье являются существенным вкладом в историю биологии. Столь же высоко

²⁴ АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 558. Л. 39–40.

оценивая труды Микулинского, посвященные Максимовичу и Дядьковскому, Давиташвили отмечал характерные для молодого ученого глубокое понимание теоретических основ биологии, серьезное знание общей истории, новизну и взглядов и фактов²⁵. Были и другие документы в поддержку выдвижения Микулинского на звание старшего научного сотрудника, например, рекомендация ученого-ихтиолога, профессора МГУ, члена-корреспондента АН СССР Г. В. Никольского. При полной поддержке ученого совета в Президиум АН СССР за подписью директора Самарина было направлено соответствующее ходатайство. Однако в президиуме академии вопрос прочно «завис» и очень долго не решался.

18 мая 1955 г. Давиташвили, который уже два года как покинул ИИЕТ, написал письмо, текст которого далее приводится полностью:

Главному ученому секретарю Академии наук СССР
Академику А. В. Топчиеву

Глубокоуважаемый Александр Васильевич!

Решаюсь беспокоить Вас по делу, которое, я думаю, имеет некоторое принципиальное значение.

Насколько мне известно, некоторые историки биологии добиваются отрицательного заключения по этому вопросу.

Такое решение, по моему глубокому убеждению, было бы неправильным.

Я хорошо знаю Микулинского; он в известной мере мой ученик. В своих работах (а таковых у него больше, чем у некоторых докторов) он показал себя как исследователь чрезвычайно глубоко и тонко разбирающийся в труднейших вопросах биологии. Правда, эти работы свидетельствуют о том, что автор их, серьезно и упорно изучавший философию, владеет солидными познаниями в этой области и применяет их в своих историко-научных исследованиях. Но ведь это как раз то, что необходимо для советского историка естествознания.

С этим, однако, не согласны некоторые историки биологии, считающие, что основная задача истории биологии состоит в публикации архивных материалов – рукописей и писем, в выяснении подробностей биографии ученых прошлого и в регистрации фактов, могущих иметь значение для истории науки.

Микулинский, по моему убеждению, – иной тип исследователя: не ограничиваясь выявлением и регистрацией фактов, он дает их научный анализ. Он показал себя способным выяснять закономерности развития науки, а это чрезвычайно важно. Коротко говоря, он серьезный биолог-теоретик и в то же время историк биологии с основательной биологической, философской и исторической подготовкой. Поэтому прошу Вас уделить внимание этому делу.

Л. Давиташвили²⁶.

Обеспокоенное неопределенностью руководство ИИЕТ – и. о. директора И. В. Кузнецов и ученый секретарь А. Т. Григорьян – направило 30 июня 1955 г. Топчиеву письмо. На этом документе имеется несколько

²⁵ Там же. Л. 35–37.

²⁶ АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 559. Л. 42. Машинопись. Подпись – автограф.

рукописных помет, из которых следует, что президиум отклонил ходатайство о присвоении звания Микулинскому, о чем было сообщено по телефону дирекции ИИЕТ, а с Григорьяном договорились, что официального ответа в институт послано не будет²⁷. На самом деле постановление Президиума АН СССР, оформленное по всем правилам делопроизводства (бланк, регистрационные данные, подписи вице-президента И. П. Бардина и проч.), было принято 15 июля 1955 г. В постановлении указано, что ходатайство ИИЕТ о присвоении звания старшего научного сотрудника Микулинскому было отклонено «в связи с малым количеством научных работ, опубликованных после защиты диссертации»²⁸.

Кроме интриг коллег Микулинского — историков биологии, о которых писал Давиташвили, и, вероятно, других обстоятельств, конечно, главным аргументом в пользу такого решения президиума академии являлась «подмоченная» биография: плен, лагеря, утрата членства в партии. И действительно, как только удалось добиться решения о восстановлении в рядах членов КПСС, да еще с зачетом партстажа с 1939 г., дела сразу пошли «в гору». В том же 1957 г. Микулинский, наконец, стал старшим научным сотрудником.

Приход в 1958 г. в ИИЕТ Б. М. Кедрова, затем его избрание в 1960 г. членом-корреспондентом АН СССР и назначение в 1962 г. на должность директора ознаменовали новый этап в истории института. Постановлением Президиума АН СССР от 12 октября 1962 г. «О направлении научных исследований и структуре Института истории естествознания и техники» была установлена новая структура: упразднены сектора истории отдельных отраслей техники и постепенно образовались принципиально новые подразделения по изучению общих проблем развития науки и техники, научного творчества, социологических проблем, системного анализа науки, истории и теории организации научной деятельности, истории научно-технической революции и др. Перестройка в ИИЕТ отражала глубокие процессы в развитии в СССР общественной мысли и ее хотя бы частичном освобождении от накопленной лжи и догматизма; то, что не могло пока быть реализовано в философии или в научно-историческом знании, в слегка закамуфлированном виде и как бы совершенно неожиданно проорвалось в истории науки и в зарождавшемся отечественном науковедении. Новые времена выдвигают на арену новых людей. И неизвестно — удалось бы реформировать ИИЕТ и превратить его на два десятилетия в один из ведущих центров гуманитарной научной и философской мысли, если бы не образовался тандем Кедров — Микулинский.

4 января 1963 г. Микулинский был назначен заместителем директора ИИЕТ АН СССР по научной работе. В том же году в МГУ состоялась успешная защита его докторской диссертации по монографии «Развитие общих проблем биологии в России. Первая половина XIX в.», изданной в 1961 г. И все в том же 1963 г. Микулинский был избран членом-корреспондентом

²⁷ АРАН. Ф. 441. Оп. 4а. Д. 558. Л. 72.

²⁸ Там же. Д. 559. Л. 34.

Слева направо: С. Р. Микулинский, Н. И. Родный, Н. А. Фигуровский, Э. И. Березкина, А. С. Федоров, Б. М. Кедров, Рене Татон, Л. В. Каминер, О. А. Лежнева, О. А. Старосельская-Никитина. ИИЕТ, 1964 г.

Международной академии истории науки, хотя выезжать в зарубежные командировки начал только с 1967 г.

О крепости десятилетнего союза Кедрова и Микулинского свидетельствует факт их одновременного выдвижения в 1966 г. в члены АН СССР. Кедров в том году был избран академиком по Отделению философии и права, Микулинский — нет. Но сохранились документы, свидетельствующие о весьма серьезной подготовительной работе. Кроме решения о выдвижении Микулинского, единогласно принятого ученым советом ИИЕТ 5 мая 1966 г., его рекомендовали также академики Б. Е. Быховский, А. Н. Белозерский, М. В. Нечкина и др.²⁹

Через два года, в 1968 г., проходили новые выборы, ставшие для Микулинского и соответственно для ИИЕТа и его директора академика Кедрова триумфальными. Загодя до этого события Микулинский получил ученое звание профессора по специальности «история науки и техники», его кандидатура получила поддержку на Ученом совете Института философии. Кедров дал пространный (на 5 страницах) отзыв о научной деятельности

²⁹ Там же. Д. 558. Л. 52—62. Много лет тому назад в Научном архиве ИИЕТ мне попало письмо Б. М. Кедрова в Академию наук, в котором он в весьма резких выражениях протестовал против неизбрания С. Р. Микулинского. В настоящее время по техническим причинам найти этот документ не представляется возможным.

Микулинского. Поскольку воспроизвести его полностью невозможно, процитирую только отдельные важные фрагменты:

Труды С. Р. Микулинского содержат глубокий содержательный анализ путей формирования биологических знаний в России, причем этот сложный и противоречивый процесс рассматривается в общем контексте развития мировой биологии. Обширный цикл важнейших философских проблем биологии, таких, например, как специфика различных уровней взаимодействия между организмом и средой, роль нервно-психических функций в адаптации, соотношение физико-химических и биологических закономерностей и др. получил в трудах С. Р. Микулинского новаторскую и привлекательную для каждого биолога, занимающегося общими вопросами своей науки, интерпретацию.

Без преувеличения можно сказать, что работами С. Р. Микулинского раскрыта целая эпоха в развитии естественно-научного материализма в России – от Ломоносова до Герцена, эпоха, которая не была прежде изучена историками науки и обычно представлялась как период господства идеалистической натурфилософии. Благодаря работам С. Р. Микулинского в историко-научный оборот вошло множество материалов, характеризующих творчество и деятельность таких русских биологов, как М. А. Максимович, Е. О. Мухин, И. Т. Глебов, А. М. Филомафитский и др. В результате анализа найденных С. Р. Микулинским неопубликованных рукописей Бэра, в их сопоставлении с известными работами последнего, по-новому были освещены взгляды Бэра на проблему эволюции органического мира.

Следует отметить, что после работ С. Р. Микулинского существенно изменилось наше общее представление о путях развития биологических наук в России и сделанный им целый ряд принципиально важных выводов, относящихся, в частности, к учениям К. Ф. Рулье, Карла Бэра, И. Е. Дядьковского и других виднейших фигур русского естествознания стал общепринятым, прочно вошел в университетские программы, энциклопедию и учебную литературу. Указанными исследованиями была существенно продвинута разработка не только истории биологических знаний в России, но и история философской мысли в нашей стране, поскольку особое внимание неизменно уделялось развитию русскими натуралистами философских проблем естествознания. Неудивительно поэтому, что выводы и обобщения С. Р. Микулинского получили широкое отражение и признание как в историко-научной, так и философской литературе. Нельзя ныне представить работу по истории естествознания и философии в России в первой половине прошлого века, которая бы не принимала во внимание результатов указанных выше исследований С. Р. Микулинского и использовала бы их, не опираясь на них [...]

В последние годы интересы С. Р. Микулинского еще в большей степени приобрели общенаучную направленность. Он выступает в нашей стране как один из пионеров комплексного изучения науки как целостной системы и особой формы деятельности. Работа С. Р. Микулинского «Наука как предмет специального исследования», переведенная на английский, французский, немецкий, чешский, польский, болгарский и др. языки, была воспринята и у нас, и за рубежом как программная. История науки рассматривается здесь как предпосылка и основа исследования общих закономерностей науки, ее структуры, организации, взаимодействия различных компонентов этой системы. Нам хотелось бы подчеркнуть исключительную актуальность этого направления, возглавляемого в нашей стране С. Р. Микулинским, для решения

практически значимых задач оптимизации и повышения эффективности научных исследований.

В наше время изменившиеся и усложнившиеся способы проведения научных исследований породили острую потребность в ученых, способных к творческому выполнению организаторских функций.

Таким ученым, успешно сочетающим качества исследователя и организатора, является С. Р. Микулинский. При апробации его научных заслуг следует принять во внимание не только труд, который вложен в монографии и другие публикации, вышедшие из-под его собственного пера, но и созданные под его непосредственным руководством обширные коллективные труды, такие, например, как впервые изданная в нашей стране капитальная четырехтомная «История естествознания в России», девятитомная серия «Советская наука за 50 лет», отразившая развитие фундаментальных наук за годы Советской власти.

В самое последнее время под руководством С. Р. Микулинского и при его участии в качестве автора подготовлены три крупных коллективных монографии: «Проблемы истории и теории развития науки», «Научное творчество. Проблемы и исследования», «Организация науки». Эти монографии, в ближайшее время выходящие из печати, впервые освещают в систематической форме актуальные проблемы современного развития науки как целостной системы.

С. Р. Микулинский является организатором и душой нескольких международных симпозиумов по науковедению, которые стали отправным пунктом для разработки этого направления не только в СССР, но и в других социалистических странах.

В лице С. Р. Микулинского мы видим исследователя, органически сочетающего теорию науки с ее практикой, философию с естествознанием, внесшего серьезный вклад в укрепление этих связей, творчески работающего в этом направлении и заслуживающего избрания в Академию наук СССР в качестве члена-корреспондента по специальности «философия»³⁰.

Микулинский, с 1974 г., после перехода Кедрова на пост директора Института философии, ставший директором ИИЕТ, был не только крупным ученым, признанным лидером историко-научного сообщества, но и невероятно мощным и продуктивным генератором идей, лучше, чем кто-либо, умевшим видеть наиболее перспективные варианты развития возглавляемого им на протяжении более двадцати лет научного направления. Но, как известно, одних идей, даже самых продуктивных, бывает недостаточно. Роль научного лидера заключается в подборе специалистов, способных к восприятию новаций и их реализации. Микулинский был непревзойденным мотиватором, способным вдохновлять, заряжать коллег верой в успех и реальность выполнения самых амбициозных проектов. Менее четверти века, с 1963 по 1986 г., длилась эпоха расцвета ИИЕТ АН СССР, отмеченная пиком научной продуктивности, ярких инициатив, достигнутым наивысшим уровнем престижа и международного признания. Никогда больше в истории ИИЕТ не было столь квалифицированного и умного состава научных работников: после 1988 г., когда часть сотрудников и практически все специалисты по

³⁰ Там же. Л. 66–70.

методологии и философии науки были уведены из ИИЕТ, начался процесс постепенной кадровой деградации.

Сохранившиеся отчеты Микулинского за период 1968–1986 гг. позволяют в динамике год за годом проследить рост его научной, научно-организационной и публикаторской активности. Назову только самое главное.

Микулинский — автор и редактор фундаментальных историко-научных трудов «Развитие биологии в СССР: 1917–1967 гг.» (1967), «История биологии» (в 2 т., 1972–1975), «Развитие естествознания в России (XVIII — начало XX века)» (1977), «Социализм и наука» (1981), «В поисках теории развития науки» (1982), «Основы науковедения» (1985) и др. Он добился возобновления и возглавлял в 1980–1991 гг. редколлегия археографической серии «Научное наследство», был председателем редколлегии общеакадемической серии «Ученые СССР: очерки, воспоминания, материалы» (1985–1991). Микулинский инициировал масштабный и оригинальный исследовательский проект — «Библиотека всемирной истории естествознания». Он внес исключительно большой вклад в восстановление научного наследия Н. И. Вавилова, в актуализацию философского и историко-научного наследия В. И. Вернадского.

С именем Микулинского связано начало комплексного изучения науки и создание нового научного направления — науковедения. Под его руководством было подготовлено и издано 14 книг серии «Науковедение: проблемы и исследования», внесших значительный вклад в разработку вопросов теории, организации и управления научной деятельностью: «Научное творчество» (1969), «Научное открытие и его восприятие» (1971), «Социологические проблемы науки» (1974), «Школы в науке» (1977) и др. По его инициативе и под его руководством был проведен ряд симпозиумов союзного и международного значения по проблемам комплексного изучения развития науки.

Огромное значение для формирования отечественной школы теории и истории науки имела работа знаменитого методологического семинара, на протяжении ряда лет проводившегося в подмосковном Звенигороде.

В многообразной научно-организационной работе Микулинского важнейшим достижением стало создание журнала «Вопросы истории естествознания и техники», редколлегия которого он возглавлял с 1980 г. по 1986 г. Сейчас трудно даже вообразить, какие поистине титанические усилия в тогдашних советских условиях требовались для открытия нового научного журнала широкого социогуманитарного профиля.

В последние годы руководства ИИЕТом Микулинский настойчиво и последовательно проводил линию на историзацию истории науки, одним из результатов чего стало открытие исследовательского направления по историографии и источниковедению истории науки и техники. Сам Микулинский — выдающийся историограф. Ему принадлежит открытие двух наших крупнейших историков науки XX века — В. И. Вернадского и Т. И. Райнова, причем до последних дней, реконструируя их жизнь и творческое наследие, он не прекращал архивные разыскания.

Микулинский очень много внимания и сил отдавал всевозможной и в большинстве своем неблагодарной организационной работе. Шел он на это сознательно и не столько из карьерных соображений, сколько руководствуясь

генеральной задачей — усилить и упрочить положение ИИЕТ, обезопасить самое его существование. Он был: заместителем председателя Комитета советского национального объединения истории и философии естествознания и техники (с 1969 г.), вице-президентом (1977–1985) Международной академии истории науки, первым вице-президентом отделения истории Международного союза истории и философии науки (с 1985 г.), членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, членом редколлегий журналов «Вестник АН СССР», «Вопросы философии» и др. Он брал на себя и возглавляемый им ИИЕТ всевозможные поручения от ГКНТ и АН СССР, ВАК при Совете Министров СССР, Отдела науки ЦК КПСС, ЮНЕСКО и т. д. Собственно открытие науковедения, кроме глубинного научного смысла, в своем прикладном выражении должно было стать и становилось мощным средством воздействия на властные структуры, определяющим научно-техническую политику в стране.

Как видно из далекого от полноты перечня, заслуги Микулинского как лидера отечественного историко-научного сообщества настолько значимы, что никто не может быть поставлен с ним рядом. Ни один директор ИИЕТ ни до, ни тем более после не внес более весомого вклада в существование и развитие института. В последующие десятилетия наследие Микулинского и его современников — коллег по ИИЕТ, людей, чья жизнь и творческая деятельность разворачивалась во второй половине XX столетия, — по преимуществу растрачивалось и мельчало.

Выяснение и анализ причин, по которым на вершине успеха в конце 1985 г. произошла последняя катастрофа в жизни и судьбе Микулинского, требуют специального глубокого исследования и документального обоснования. Но некоторые узловые моменты можно обозначить уже сейчас.

База для накопления негативных тенденций была заложена чуть ли не с самого начала директорства Микулинского. Искушение Институтом философии, которому поддался Кедров (а в ИИЕТ буквально все отговаривали его от перехода туда), сыграло с ним злую шутку. Совсем скоро Кедров был вынужден оставить Институт философии и вернуться в ИИЕТ, но здесь директорское кресло уже было занято. В таком небольшом коллективе, как ИИЕТ, присутствие бывшего директора в лице харизматичного, авторитетного и такого мощного человека, каким был Кедров, поневоле создавало полюс противостояния. Кедров, который был свободен от административных обязанностей и потому относительно свободен в своих словах и делах, стал центром притяжения для тех, кто по тем или иным причинам входил в конфликт с директором.

Поскольку Микулинский занимал достаточно видное положение, был директором успешного академического института, имел прочные связи в центральных управленческих структурах, включая партийные и проч., то вполне естественно он волей-неволей становился участником «межвидовой борьбы» внутри академической корпорации и косвенно, а то и прямо — иных властных структур.

Другое обстоятельство, которое необходимо учитывать, заключено в стиле руководства Микулинского с характерными элементами «фаворитизма». И дело не в чрезмерной субъективности оценок людей с его стороны, а, скорее, в неустанном поиске тех, кто разделял бы его идеи, поддерживал его проекты, на кого можно было бы без сомнений положиться как в научном, так и в деловом отношении. Кедрову невероятно повезло — рядом с ним в нужное время оказался Микулинский. Стремление воспроизвести эту модель, найти себе достойного во всех отношениях помощника, а возможно, и преемника, приводило Микулинского раз за разом к разочарованию и в конечном итоге к накоплению обоюдного негатива. В самом конце своего директорства ему стало казаться, что, наконец, такой человек найден. Микулинский принял самое действенное участие в его карьере — в защите диссертации, включении во все проекты, сделал своим заместителем и — просчитался. Практически сразу начался конфликт, вылившийся в писание докладных записок в различные инстанции, завершившийся созданием Бауманским районным комитетом партии комиссии по проверке работы ИИЕТ и его директора.

События конца 1985–1986 г. в ИИЕТ совпали с кампанией по кадровой чистке партийного и советского аппарата Москвы, развернутой Б. Н. Ельциным, ставшим в это время первым секретарем Московского городского комитета КПСС. Таким образом, перестройка (разрушение) началась в ИИЕТ АН СССР раньше, чем где-либо в стране, и ее первой жертвой стал Микулинский.

Уму непостижимо, за что был подвергнут партийной опале и, как следствие, лишен директорства Микулинский — ни больше, ни меньше как за то, что «не обеспечил перестройку деятельности научного коллектива института в свете требований апрельского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС»³¹. Исключения из партии ему, перенесшему инфаркт миокарда, удалось избежать только после того, как он подал заявление о своем уходе из Института истории естествознания и техники АН СССР.

В тех условиях Микулинскому бессильны были помочь его друзья и коллеги в аппарате Президиума Академии наук, ЦК партии или других властных структурах. Единственное, на что решился Президиум Академии наук, издавая распоряжение об освобождении с 20 июня 1986 г. члена-корреспондента АН СССР С. Р. Микулинского от обязанностей директора и главного редактора журнала «Вопросы истории естествознания и техники» «по его личной просьбе в связи с состоянием здоровья» и переводе на должность старшего научного сотрудника в Архив АН СССР, — это объявить ему благодарность за многолетнюю работу.

* * *

Семен Романович Микулинский скончался через пять лет, 3 июля 1991 г., в Москве. Похоронен он на Быковском кладбище в городе Жуковском Московской области.

³¹ Там же. Д. 559. Л. 88.

References

- Ilizarov, S. S. (1993) Formirovanie v Rossii soobshchestva istorikov nauki i tekhniki [The Formation of the Community of Historians of Science and Technology in Russia], Moskva: Nauka.
- Ilizarov, S. S. (1993) IIET v 1953 godu [IHST in 1953], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 4, pp. 88–116.
- Istoriia nauki: istochniki, pamiatniki, nasledie: vtorye chteniia po istoriografii i istochnikovedeniiu istorii nauki i tekhniki: materialy nauchnoi konferentsii, Moskva, 19–20 oktiabria 2016 g. / Sost. E. V. Minina [History of Science: Sources, Monuments, Heritage: Second Readings in the Historiography and Source Studies in the History of Science and Technology: Conference Materials, Moscow, October 19–20, 2016 / Compiled by E. V. Minina]* (2016). Moskva: Ianus-K.
- Lopukhovskii, L. N. (2008) 1941. *Viazemskaia katastrofa [1941. The Disaster of Vyazma]*. Moskva: Yauza and Eksmo.
- Pomerants, G. S. (2015) *Zapiski gadkogo utenka [The Notes of the Ugly Duckling]*. Moskva and Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Rzhevskaiia, E. (1988) Starinnaia udacha [The Old Luck], *Novyi mir*, no. 11, pp. 215–228.
- Sharapov, Iu. P. (1995) *Litsei v Sokol'nikakh: ocherk istorii IFLI – Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury imeni N. G. Chernyshevskogo [A Lyceum in Sokolniki: An Essay on the History of IFLI, N. G. Chernyshevsky Moscow Institute of Philosophy, Literature, and History]*. Moskva: AIRO-XX.
- Slutskii, B. (1991) *Sobranie sochinenii v trekh tomakh [Collected Works in Three Volumes]*. Moskva: Khudozhestvennaia literatura, vol. 3.
- Zorkaia, N. (1993) Solntse svetit vsem! [The Sun Shines for Everyone!], *Svobodnaya mysl'*, no. 10.